

УДК – 821.161.1 – 95

Т.В. Ведерникова**Н.Н. СТРАХОВ И Л.Н. ТОЛСТОЙ:
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ**

Критик и философ Н.Н. Страхов начиная с 1870 года и вплоть до смерти в 1896-м был преданным другом, незаменимым литературным помощником и советником Л.Н. Толстого, который высоко ценил острый ум и эстетическое чутье соратника Достоевского и А. Григорьева по почвенническим журналам середины XIX века «Время» и «Эпоха». Переписка Толстого и Страхова, насчитывая в общей сложности 26 лет, имеет большое значение для исследования творчества писателя, существенно дополняет наши знания о ключевых вопросах жизни Толстого в сложный период середины 1890-х годов, а также является новым материалом к изучению творческой истории произведений писателя и истории их публикаций.

Цель данной статьи – проанализировать эпистолярный диалог двух выдающихся мыслителей, определить характер истолкования Страховым произведений Льва Толстого, объяснить причины того, почему Толстой считал Страхова наиболее прозорливым критиком своих произведений и соглашался с его суждениями гораздо в большей мере, чем с какими-либо иными.

Существенным вкладом в изучение критической деятельности Страхова, его эпистолярного наследия можно считать появление в 1914 году однотомного издания переписки критика с Толстым, которое было подготовлено Б.Л. Модзалевским. Но оно включало письма лишь 1870–1894 годов: 70 писем Толстого к Страхову и 200 – от Страхова к Толстому. За пределами этого издания оставалось еще 230 тогда не обнаруженных писем. Поэтому особую ценность приобрело издание, подготовленное в сотрудничестве с Московским Музеем Л.Н. Толстого и Институтом мировой литературы РАН, книга «Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки в 2-х томах» содержала

всю переписку Страхова и Толстого, как единый неразрывный цикл, что, несомненно, придает научно-практическую ценность этому изданию, существенно обогащает документальную базу исследования и расширяет существующие представления о ключевых вопросах жизни не только Страхова, но и Толстого.

Начало переписки между Толстым и Страховым относится к 1870 г. Толстой, под впечатлением прочитанной статьи Н.Н. Страхова «Женский вопрос» (Заря, 1870, № 2), представляющей собой подробный аналитический разбор книги английского философа-позитивиста Д.С. Милля «О подчиненности женщин», пишет ему по поводу этой критической работы. Стоит отметить, что в предыдущих номерах этого журнала уже были напечатаны статьи Страхова о книге «Война и мир». Известно, что Толстой высоко ценил эти разборы. (Всего перу Страхова принадлежат десять крупных статей и журнальных заметок о великом писателе.) Несмотря на то, что первое письмо Толстого осталось неотправленным, уже в ноябре 1870 г. Страхов послал письмо Толстому, в котором просил прислать одно из его произведений для журнала «Заря». В своем ответе (25 ноября 1870 г.) писатель пригласил Страхова побывать в Ясной Поляне, куда литературный критик и приехал в июне 1871 года. В скором времени Страхов стал преданным и верным помощником Толстого (называвшего его «своим истинным другом»), первым читателем и ценителем новых страниц знаменитого писателя.

Л.Н. Толстой любил Страхова и дорожил устным и письменным общением с ним. В первом завещательном распоряжении Толстого, записанном в дневнике 27 марта 1895 г., Страхов назван в числе близких людей, которым Толстой поручает пересмотреть и разобрать его бумаги. Писатель «ждет и требует от Страхова писем, и писем, непременно длинных, обстоятельных» (письмо 15 февраля 1876 г.), ему «невероятно радостно понимание», которое он встречает со стороны Страхова (26 апреля 1876 г.), Толстой называет Страхова своим «истинным другом» (13 ноября 1876 г.), благодарит его за длинное и «такое милое» письмо (3 января 1878 г.) и вслед за тем, хотя между двумя письмами Страхова проходит не больше трех

недель, писатель жалуется, что скучает, не получая так долго писем от своего корреспондента (28 января 1878 г.). Письма продолжали те разговоры, которые велись между Толстым и Страховым в Ясной Поляне. Особенно это относится к письмам Страхова. Обычно он не возражал «бесценному Льву Николаевичу» и «усердно молчал», а по возвращении в Петербург брался за перо.

Следует отметить, что Страхов сам ценил себя прежде всего, как критика, и знал, что критика ценит в нем и читающая публика. Говоря о своем признанном критическом таланте, в письме к Толстому (26 ноября 1873 г.), он называет своей лучшей работой «критическую поэму в четырех песнях, – критический разбор романа «Война и Мир» – произведения гениального, равного всему лучшему, что произвела русская литература». Подчеркивая именно «безмерную высоту» эпопеи Толстого, Страхов заявляет: «Если теперь иностранцы спросят у нас о нашей литературе, то мы прямо укажем на «Войну и мир», как на зрелый плод нашего литературного движения, перед которым мы сами преклоняемся. Западные литераторы в настоящее время не представляют ничего равного и даже подходящего к тому, чем мы обладаем». Очевидно, Страхову уже было известно, что «критическая поэма» произвела на Толстого хорошее впечатление. По словам биографа Толстого, отношение к разбору Страхова великого писателя определяется таким его замечанием: «Н.Н. Страхов поставил «Войну и Мир» на высоту, на которой она и удержалась» [1, с. 799]. Толстой и впоследствии высоко ценил критические способности Страхова. И когда, во время работы над «Анной Карениной», писателем овладели муки сомнения в своих творческих силах, он обратился к Страхову с просьбой помочь ему: «У каждого писателя есть своя атмосфера хвалителей, которую он осторожно носит вокруг себя и не может иметь понятия о своем значении и о времени упадка. Мне бы хотелось не заблуждаться и не развращаться дальше. Пожалуйста, помогите мне в этом... Гораздо лучше остановиться на «Войне и Мире», чем писать «Часы» или т.п.» [1, с. 562]. Страхов добросовестно выполнил возложенную на него обязанность. Он аккуратно сообщал Толстому свои замечания не только по поводу

отдельных глав «Анны Карениной», но и впечатление от всего произведения: «О выходе каждой части Карениной в газетах извещают так же поспешно и толкуют так же усердно, как о новой битве или о новом изречении Бисмарка. И так же врут. Я знаю одно: совершилось великое событие в русской литературе, явилось новое великое произведение» [1, с. 619].

Во многом содействовало близости Толстого и Страхова искреннее восхищение Страхова Толстым, как великим художником, его постоянная готовность помогать Толстому в литературных делах. Еще до знакомства с Толстым, при выходе в свет первых частей «Войны и мира», когда одна за другой появились недоброжелательные статьи, Страхов заявил, что роман Толстого – это «великое произведение».

Более того, Страхов был широко эрудирован в различных областях науки, имел редакторский опыт и был тесно связан с литераторами и библиофилами Москвы и Петербурга. Все это было ценно для выполнения многочисленных поручений Толстого. Страхов покупал или доставал для Толстого книги, добивался предоставления ему доступа к различным архивам, держал корректуры его произведений, вел дела с редакторами, типографиями, книгопродавцами и т.д. В известной мере, общим и для Толстого, и для Страхова (хотя и во многом различным) было непонимание и неприятие развития капиталистических отношений в России, обращение к религии и к «вечным законам нравственности» как к спасительному рецепту от всех общественных зол, стремление к «опрощению».

Часть переписки, посвященная художественным произведениям Толстого, показывает, что в сближении со Страховым далеко не малую роль сыграло то доверие, которое питал великий художник к критической чуткости и искренности Страхова. В письме от 15 октября 1878 г. Толстой написал: «Боюсь я не люблю критик и еще больше похвал, но не Ваших. Они приводят меня в восторг и поддерживают силы к работе. Не могу, однако, не думать, что вы говорите мне больше, чем говорите себе, зная, как это мне радостно» [1, с. 738]. Критическая мысль Страхова особенно пригодилась Толстому в тот острый, но длительный период, когда он сам поглощен был

колоссальной критической работой, пересматривая старые ценности. Вся эта, по словам Толстого, «мучительная духовная работа» прошла на глазах у Страхова, как ближайшего свидетеля и даже участника, и Толстой выражает радость, что она была полезной и для его постоянного корреспондента. В «работе» этой Страхов принимает участие не только, как критик, оценками которого Толстой проверяет свою собственную критическую работу, но и как эрудит, не устающий снабжать Толстого постоянными библиографическими и всякими иными, часто очень ценными, справками, указаниями и книгами

В 1890 г. Толстой предложил Страхову высказаться о писателе и о его недостатках. И Страхов дает остроумный ответ, удачно характеризующий личность великого писателя: Вы у меня спрашиваете о Ваших недостатках; в самом деле, я их вижу, но вместе с тем я вижу Ваши достоинства и теряю всякую охоту Вас упрекать. Ваш главный недостаток в том, что Вы живете чувством настоящего дня. Вы все готовы отвергнуть кроме этого чувства и Вы забываете все то, чем прежде жили с таким же увлечением. Вы проникаете в такую глубину, открываете такие стороны, которых никто не видит. От этого Ваши рассказы полны жизни, крови, силы и яркости. Вас нужно слушать и учиться, а не рассуждать о Ваших недостатках» [1, с. 820].

Как философ, Страхов высоко ставил Толстого-мыслителя. «Ваши несколько страниц о свободе воли содержат такую верную и отчетливо сформулированную мысль, что я восхищался Вашею проницательностью. Что значит – не только мыслить, но и руководиться чувством, душою!» [1, с. 824]. В письмах Толстого к Страхову нередки суждения, которые автор не только доверяет своему адресату, но и проверяет их оценкой критика. «Как мне жаль, дорогой Николай Николаевич, что Вы не дописали и не прислали Вашего длинного письма в ответ на мои разъяснения» (24 октября 1894 г.). И неизменно приходил ответ, глубокий и основательный: «Вы держитесь верного пути – личного совершенствования, и эта правильность Вашего хода всегда меня восхищала. Но Вы не замечаете, как Вы поглощены Вашею внутреннею работою и предлагаете людям то, что они воспринять не способны. Отвержение всякой собственной воли

– вот ведь к чему сводится все направление; а это отвержение есть отречение от жизни; а от жизни люди отказаться не могут. Жизнь избегает усилий сознания и напряжения воли. Между тем Вы с Вашею вечно горящею душою предлагаете людям также вечно усиливаться и напрягаться. Они не могут делать того, что Вы делаете. Они часто охотно жертвуют жизнью и достоянием, как пишут в порыве патриотизма, но ограничивать себя и размышлять они не могут. Они хотят жить и верить, а не исследовать и углубляться в себя» [1, с. 826].

Цитируя письмо Страхова, написанное в 1890-е гг. и ничем по тону не отличающееся от прежних писем, следует отметить, что с 1881 г., когда началась политическая и общественная реакция, захватившая и Страхова, расстояние между двумя корреспондентами заметно увеличивается. Но переписка ни мало не утратила от этого свой интерес и значение. Более того, старая привязанность Толстого к Страхову даже крепла с годами. Так, уже к концу переписки Толстой, сетуя на Страхова за восторженную статью о писателе, оговаривается все же, что эта статья еще больше сблизила его со Страховым. Однако идейное расхождение и отчуждение прослеживается.

Из всего сказанного следует, что содержание переписки Толстого со Страховым полностью определяется и даже, можно сказать, диктуется теми интересами, которыми в это время (с 1870 по 1894 г.) жил Толстой. Он – хозяин переписки, и все волнующие его вопросы, – вопросы морали, философии, религии, эстетики, литературы, – находят в письмах свое отражение. И так как Толстой был прежде всего человеком, чутко откликавшимся на все события политической и социальной жизни, то и это нашло свое отражение в переписке не только в форме оценки отдельных событий (1-е марта 1881 г., голод 1891 г. и т.п.), но и в целом ряде портретов известных литературных и общественных деятелей. Имена Тургенева, Достоевского, Некрасова, Майкова, Каткова, Берга, Победоносцева и т. п., оживляемые часто колоритными характеристиками, встречаются на страницах переписки, придавая ей характер живой летописи минувших лет. В переписке 1894-1895 гг. много мыслей о вечности. «Смерть уже подходит близко, – писал Страхов 22 августа 1895 г., – и потому

неволью я вглядываюсь в новую жизнь, которая пробивается со всех сторон» [1, с. 916]. Его внимание привлекала новая работа Толстого, о которой сам автор отзывался с раздражением: «Писание мое ужасно усложнилось и надоело мне, – ничтожно, пошло, главное, противно писать для этой, никуда ни на что не годной паразитной интеллигенции, от которой никогда, ничего, кроме суеты, не было и не будет». В тот момент создавался роман «Воскресение». «Напишите его так, чтобы это было действительно воскресение из мертвых. Как много я думал об этом удивительном перевооружении, и с какой жадностью я стал бы читать эту книгу!» [1, с. 937]. Эти слова стали как бы завещанием Страхова.

Когда в январе 1896 г. пришло известие о смерти критика, Толстой записал в дневнике: «Я жив, но не живу. Страхов. Нынче узнал об его смерти». И дальше: «Событие важное смерть Страхова» [1, с. 945]. Важно отметить, что столь же большое значение придавал Толстой переписке со Страховым и много лет спустя. Например, 13 февраля 1906 г. Толстой писал П.А. Сергеенко: «У меня было два (кроме А.А. Толстой) лица, к которым я много писал писем и, сколько я вспоминаю, интересных для тех, кому может быть интересна моя личность. Это – Страхов и кн. С.С. Урусов» [1, с. 972].

Таким образом, отношение Страхова к Толстому можно назвать преклонением. Не только гениальность художника, но и родственность многих мыслей, цельность личности, устремленной к добру, покоряли критика. В новой русской литературе Лев Толстой оказался для Страхова тем же явлением, что и Пушкин в прошлой. А Страхов, благодаря своей искренности и высоте эстетических критериев, всегда был постоянным советчиком и беспристрастным рецензентом гения русской литературы. И эта летопись духовного общения двух мыслителей своего времени нашла свое отражение в многолетней переписке, продолжавшейся более четверти века.

Литература

1. Толстой Л.Н. и Страхов Н.Н. Полное собрание переписки: в 2 т. [Текст под ред. А.А. Донскова] / Л.Н. Толстой, Н.Н. Страхов. – М.: Государственный

музей Л.Н. Толстого, 2003. – Т. 1. / Сост. Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова. – 488 с.; Т.2. / сост. Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова. – 1080 с.

Анотація

Ведернікова Т.В. М.М. Страхов і Л.М. Толстой: літературний діалог.

У статті запропоновано аналіз багатолітнього листування між відомим критиком і філософом М.М. Страховим та Л.М. Толстим, що свідчить про незмінний і глибокий інтерес критика до всього створеного Л.М. Толстим, про ясне усвідомлення геніальності і поетичного дарування великого митця. Проблема «М.М. Страхов і Л.М. Толстой» належить до ряду важливих не лише у вивченні творчості Л.М. Толстого, але і в історії російської літератури XIX століття. Творча співдружність великого письменника і видатного критика є важливим фактом історії російської літератури. Протягом чверті століття М.М. Страхов був відданим другом, вірним літературним помічником і радником Л.М. Толстого. Дослідники творчості Л.М. Толстого визнають, що саме М.М. Страхов вплинув на естетичний кодекс письменника, а сам Л.М. Толстой дійсно прислухався до думок свого співрозмовника і багатолітнього кореспондента. Складно і суперечливо вирішувалася проблема осмислення творчості письменника в дореволюційній критиці, коли в російській полеміці з'явилася суперечлива тенденція до заперечення творчої спадщини Л.М. Толстого замість її об'єктивного аналізу. У цей період виходили в світ нові романи Л.М. Толстого, які були сприйняті критиками того часу вельми спірно і неоднозначно. Саме М.М. Страхов, що займався коректурами цих творів, найглибше серед сучасників розкрив естетичну своєрідність і новаторство нових творів Л.М. Толстого.

Ключові слова: новаторство автора, діалог, дореволюційна критика, літературне листування, розуміння, роман, творча співдружність, естетичний кодекс письменника.

Аннотация

Ведерникова Т.В. Н.Н. Страхов и Л.Н. Толстой: литературный диалог.

В статье представлен анализ многолетней переписки между известным критиком и философом Н.Н. Страховым и Л.Н. Толстым, свидетельствующей о неизменном и глубоком интересе критика ко всему созданному писателем, о ясном осознании гениальности и поэтического дарования

великого художника. Проблема «Н.Н. Страхов и Л.Н. Толстой» относится к числу очень важных не только в толстоведении, но и в истории русской литературы XIX века. Творческое содружество великого писателя и выдающегося критика является важным фактом истории русской литературы. В течение четверти века Н. Страхов был преданным другом, верным литературным помощником и советником Л.Н. Толстого. Исследователи творчества Л.Н. Толстого признают, что именно Н.Н. Страхов оказал определенное влияние на эстетический кодекс писателя, а из писем известно о том, как Л.Н. Толстой действительно прислушивался к суждениям своего частого собеседника и многолетнего корреспондента. Сложно и противоречиво решалась проблема осмысления творчества писателя в дореволюционной критике, когда в русской критике наметилась противоречивая тенденция к отрицанию творческого наследия Л.Н. Толстого вместо объективного анализа. В этот период выходили в свет новые романы Л.Н. Толстого, которые были восприняты критиками того времени весьма спорно и неоднозначно. Н.Н. Страхов, который держал корректуры данных произведений, наиболее глубоко среди современников раскрыл эстетическое своеобразие и новаторство новых творений Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: авторское новаторство, диалог, дореволюционная критика, литературная переписка, понимание, роман, творческое содружество, эстетический кодекс писателя.

Summary

Vedernikova T.V. N. Strahov and L. Tolstoy: Literary Dialogue.

The article represents a profound analysis of long-lasting and active correspondence between a well-known critic N. Strahov and a famous writer L. Tolstoy, testifying to the constant critic's interest to all Tolstoy's creations, proving his realization of Tolstoy's genius and poetic talent of the great artist. The question «N. Strahov and L. Tolstoy» is one of the most essential not only in the study of Tolstoy's creative heritage but also in the history of Russian literature of XIX century. A creative concord of a great writer and a prominent critic is an important fact in the history of Russian literature. During a quarter of the century N. Strahov was a devoted friend, faithful helper and adviser of L. Tolstoy. The researchers of L. Tolstoy's creative heritage admit that N. Strahov influenced the writer's aesthetic code greatly and L. Tolstoy took into account all the critical judgments of his long-term correspondent. The comprehension and critical estimation of L. Tolstoy's works in the pre-revolution period was rather contradictory because

of the tendency to the denial of writer's creative legacy instead of its objective analysis. New L. Tolstoy's novels were published and treated ambiguously by his contemporaries. It was N. Strahov, who proof-read these works, pointed out aesthetic originality and showed innovation of Tolstoy's creative works.

Key words: author's innovation, dialogue, pre-revolution criticism, literary correspondence, understanding, novel, creative concord, aesthetic code of the writer.

Інформація про автора

Ведернікова Тетяна Володимирівна: ORCID: 0000-0003-0139-6169; кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії та практики англійської мови Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Блюхера, 2, м. Харків, 61168, Україна